

Шопенгауер Артур

Лучи света его философии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А86

А86 **Артур Ш.**
Лучи света его философии / Шопенгауер Артур – М.: Книга по Требованию,
2022. – 326 с.

ISBN 978-5-521-31474-4

ISBN 978-5-521-31474-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ее, но правильнымъ образомъ утверждать и отрицать, т.-е. утверждать настолько, насколько она соизмѣстима съ справедливостью и добродѣтелью, и отрицать, поскольку она имѣетъ противорѣчивъ.

Однако, несмотря на разницу въ вѣззрѣнїяхъ, я все-таки считаю Шопенгауэра такимъ мыслителемъ, который послѣ Канта болѣе другихъ заслуживаетъ изученїя. Ни у кого нельзя найти столько поучительнаго, какъ у него, никто не промелькнетъ столько свѣта и ясности въ собственныхъ нашихъ мысляхъ, какъ онъ, никто не въ состоянїи сообщить большаго движенїя нашему разсудку, какъ онъ. Но и въ собственныхъ его произведенїяхъ уже находятся мѣста, смягающїя его односторонность и рывкость: эти мѣста приведены мною въ нижеслѣдующихъ извлеченїяхъ. Кого пугаетъ его пессимизмъ, тотъ можетъ остановиться болѣе на тѣхъ мѣстахъ, которыя посвящены жизни, которыя дышатъ радостнымъ чувствомъ къ прекрасному въ природѣ и въ искусствѣ, затѣмъ можетъ остановиться на его принципахъ житейской мудрости и искусства жить, которыми Шопенгауэръ показалъ, что онъ можетъ также стать и на точку зрѣнїя утверждающихъ жизнь и стремящихся къ возможно болѣе счастливой жизни.

Тамъ, гдѣ Шопенгауэръ отталкиваетъ, какъ мыслитель, онъ тѣмъ не менѣе остается привлекательнымъ, какъ писатель; въ томъ то и особенность этого философа, что онъ является одинаково великимъ и какъ мыслитель, и какъ писатель, произведенїя котораго служатъ украшенїемъ національной литературы. Съ этимъ должны были согласиться даже его противники. Такъ,

напримѣръ, Розенкранцъ говоритъ: „Артуръ Шопенгауэръ имѣетъ столько преимуществъ, дѣлающихъ его не только достойнымъ его матери (знаменитой Иоганны Шопенгауэръ, сгнумьшей завоевать себѣ столь почетное мѣсто среди веймарскихъ друзей искусства), но и обеспечивающихъ ему навсегда выдающееся положеніе въ литературѣ вообще. Основательно изучившій древнихъ классиковъ, равнымъ образомъ начитанный во французскихъ и англійскихъ писателей восемнадцатаго столѣтія, вооруженный многосторонними познаніями, одаренный въ высокой степени талантомъ изложенія, съ богатымъ запасомъ опытности, пріобрѣтенный въ путешествіяхъ и въ разнообразныхъ столкновеніяхъ съ людьми, онъ безусловно принадлежитъ къ числу лучшихъ нашихъ авторовъ, которыхъ всегда читаешь съ новымъ удовольствіемъ и которыхъ находишь въ высшей степени привлекательными даже тогда, когда видишь, что твои воззрѣнія прямо противорѣчатъ его взглядамъ“.

По свойству антологій такого рода, какъ мы представляемъ нашимъ читателямъ, она можетъ дать собственно не систему мыслителя въ ея внутренней связи, но лишь отдѣльныя мысли, приведенныя въ систему по своему сродству. Поэтому въ нижеслѣдующемъ эскизѣ, въ видѣ дополненія, я далъ очеркъ Шопенгауэровской системы. Тѣхъ же, кто пожелалъ бы основательнѣе изучить ее, я отсылаю къ моимъ „Письмамъ о Шопенгауэровской философіи“, главнымъ же образомъ къ произведеніямъ самаго философа.

Юліусъ Фрауенишtedтъ.

Жизнь и учение Артура Шопенгауэра.

Артуръ Шопенгауэръ родился 22 февраля 1788 года въ Данцигѣ, гдѣ его отецъ занималъ весьма видное мѣсто въ коммерческомъ мірѣ. Его мать, Іоганна Шопенгауэръ, умершая въ 1838 году, была извѣстною въ свое время писательницей; ей принадлежатъ романы „Габріела“, „Тетка“, „Сидонія“ и др., а также рядъ путевыхъ писемъ и новеллъ, и наконецъ „Жизнеописание Фернова“, обнаружившее въ ней знатока въ искусствѣ. Сестра Шопенгауэра, Адель Шопенгауэръ, также составила себѣ литературную извѣстность своими „сказками“. Въ отроческомъ возрастѣ Артуръ Шопенгауэръ долго жилъ съ своими родителями во Франціи и въ Англіи, гдѣ онъ основательно ознакомился съ языками и литературами этихъ странъ, чѣмъ Шопенгауэръ рѣзко выдѣляется среди другихъ нѣмецкихъ ученыхъ и философовъ. Въ 1809 году онъ поступилъ въ Геттингенскій университетъ и прежде всего слушалъ тамъ лекціи естественныхъ наукъ и исторіи. Познанія въ естественныхъ наукахъ, приобретенныя Шопенгауэромъ здѣсь и затѣмъ расширенныя позднѣе въ Берлинѣ посѣщеніемъ лекцій физики, химіи, минералогіи, ботаники, зоологіи и анатоміи, имѣли въ послѣдствіи важное вліяніе на его философію, сообщивши ей прочныя, широкія основанія,

такъ отличающія ея отъ другихъ послѣ-кантовскихъ системъ. Наклонность къ философствованію пробудилась въ Шопенгауэрѣ еще въ Геттингенѣ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ лекцій Г. Е. Шульце, автора „Энезидемуса“. При этомъ рѣшающее значеніе имѣлъ личный совѣтъ Шульце, чтобы все вниманіе новичка было на первое время исключительно посвящено изученію Платона и Канта, и чтобы не приниматься за другихъ, пока онъ не осилитъ ученіе первыхъ двухъ, именно за Аристотеля и Спинозу. Шопенгауэръ въ точности послѣдовалъ этому совѣту, и никогда не имѣлъ повода въ томъ раскаяваться; слѣды же вліянія сказаннаго совѣта находимъ во всѣхъ твореніяхъ нашего философа.

Въ 1811 г. Шопенгауэръ поселился въ Берлинѣ, привлеченный славою выдающагося ума Фихте, имѣя въ виду изучить его философію. Но вскорѣ онъ разочаровался и вмѣсто почитанія явилось презрѣніе и насмѣшка, хотя курсъ и былъ оконченъ. Въ 1813 г. Шопенгауэръ готовился въ Берлинѣ къ полученію докторской степени. Но война помѣшала исполненію этого плана, и назначенная для защиты въ Берлинскомъ университетѣ диссертация „О четверномъ корнѣ закона достаточнаго основанія“ была защищена въ Іенѣ. Послѣ этого онъ провелъ зиму въ Веймарѣ, куда его привлекъ Гёте, посвятивъ въ свое „ученіе о цвѣтахъ“ и былъ съ нимъ настолько довѣрчивъ, насколько позволяла разница ихъ лѣтъ. Не меньшее вліяніе, чѣмъ это близкое знакомство съ Гете, имѣло на Шопенгауэра изученіе индійскихъ древностей подъ руководствомъ оріенталиста Фридриха Майера. Здѣсь коренится то высокое почитаніе, какое оказывалъ Шопенгауэръ священнымъ книгамъ Индіи; этимъ же вліяніемъ объясняется восточный характеръ его философіи, дающій ей столь чуждый нашему западному міру отпечатокъ и кажущійся намъ столь парадоксальнымъ. Съ 1814 до 1818 г. Шопенгауэръ прожилъ въ Дрезденѣ, пользуясь

здѣшнюю библіотекой и собраніемъ художественныхъ произведеній для всесторонняго своего образованія, и предаваясь размысленіямъ въ прекрасныхъ окрестностяхъ этого города. Въ это время (1815) онъ написалъ свое оптическое сочиненіе „О зрѣніи и о цвѣтахъ“, рукопись котораго увезъ съ собою Гете въ свою тогдашнюю поѣздку по Рейну; оно появилось въ свѣтъ въ 1816 г. Но что всего важнѣе, въ это именно время сложилась его система, какъ онъ самъ говоритъ въ своемъ главномъ твореніи „Міръ какъ воля и представленіе“ (1819): „нѣкоторымъ образомъ безъ всякаго усилія съ моей стороны, стремясь, подобно кристалу, къ одному средоточію“.

Передавъ рукопись этого произведенія издателю, онъ отправился осенью 1818 г. въ Римъ и въ Неаполь. По возвращеніи оттуда, въ 1820 г., онъ отправился въ Берлинъ и началъ свои лекціи въ университетѣ. Но онъ читалъ, въ качествѣ доцента, лишь одинъ семестръ. Уже весною 1822 г. отправился онъ снова въ Италію, гдѣ и оставался до 1825 г. Возвратившись назадъ въ Берлинъ, онъ однако не продолжалъ своихъ лекцій, хотя въ спискѣ лекторовъ и значилось его имя. Въ 1830 г. появилось Шопенгауэрово „Ученіе о цвѣтахъ“ въ латинскомъ переводѣ, исправленномъ имъ самимъ, для иностранныхъ ученыхъ. Въ 1831 г., въ виду появившейся въ Берлинѣ холеры, онъ уѣхалъ отсюда въ Франкфуртъ-на-Майнѣ и поселился здѣсь, такъ какъ климатъ и красивое мѣстоположеніе города ему понравились, а обезпеченное состояніе предоставляло ему свободный выборъ мѣстожителства,—что составляетъ неоцѣненное счастье для философа и человѣка въ Шопенгауэровскомъ родѣ! Не нуждаясь ни въ денежныхъ заработкахъ, ни въ пріисканіи какого-либо служебнаго мѣста, Шопенгауэръ безмятежно пользовался своими силами и временемъ, могъ всецѣло отдаваться удовлетворенію своей склонности къ философствованію, и не торопясь обрабатывать свои творенія, ибо никакія

постороннія обстоятельства не требовали ихъ несвоевременнаго появленія въ свѣтъ. Поэтому всѣ они носятъ печать зрѣлости. Отсюда видно, какъ важно для успѣха философіи свободное положеніе и обезпеченная жизнь философовъ. Шопенгауэръ не былъ вынужденъ жить отъ философіи, и потому всецѣло могъ жить для нея.

То обстоятельство, что обнаруженное въ 1819 г. главное произведеніе его оставалось въ пренебреженіи, равно какъ и то, что славою пользовался не онъ, а презираемый имъ Гегель, были главными причинами долготѣяго молчанія его. Оно было прервано лишь въ 1836 г. небольшимъ, но богатымъ по содержанію, сочиненіемъ „О волѣ въ природѣ“; въ немъ заключаются не только новыя эмпирическія доказательства, служащія оправданіемъ его метафизики, но и главный пунктъ ея, ядро дѣла, было еще ярче освѣщено. Самъ Шопенгауэръ, въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ, высоко цѣнилъ этотъ небольшой трудъ свой. Въ 1839 г. королевско-норвежское общество наукъ въ Дронтеймѣ увѣнчало преміей Шопенгауэрово сочиненіе „О свободѣ воли“ и избрало его своимъ членомъ. Этотъ случай доставилъ Шопенгауэру большую извѣстность, чѣмъ какою онъ до сихъ поръ пользовался. Въ 1841 г. онъ издалъ увѣнчанное преміей сочиненіе „О свободѣ воли“ вмѣстѣ съ другимъ: „Объ основѣ морали“, вызваннымъ преміей королевскаго общества наукъ въ Копенгагенѣ. За этимъ послѣдовало, въ 1844 г., второе изданіе главнаго его произведенія, увеличенное цѣлымъ томомъ „прибавленій“, а въ 1847 г. второе изданіе его докторской диссертациі, первое изданіе которой уже давно разошлось въ продажѣ. Лишь въ 1851 г. появилось новое, популярнѣйшее произведеніе его, доставившее Шопенгауэру извѣстность и славу среди огромнаго круга читающей публики, его „Parerga и Paralipomena, небольшія философскія статьи“, въ двухъ томахъ. Съ этихъ поръ по-

являлись лишь новыя изданія прежнихъ его сочиненій, новаго же ничего не было обнародовано.

Почти 30 лѣтъ прожилъ Шопенгауэръ во Франкфуртѣ на М. одинокимъ мыслителемъ, и слылъ подъ именемъ „философа-мизантропа“. Въ его одинокихъ прогулкахъ всегда сопровождалъ его вѣрный спутникъ жизни,—пудель. Въ 1845 г. онъ написалъ въ честь собаки слѣдующую анти-строфу къ Гетевской 73-й венеціанской эпиграммѣ:

Wundern darf es mich nicht, dass manche die Hunde
verläumden;

Denn es beschämet zu oft leider den Menschen der Hund *).

Но если, съ одной стороны, дознанная и испытанная негодность людей сдѣлала Шопенгауэра человѣко-ненавистникомъ, то, съ другой стороны, картина бѣдствій и горя людскаго, которая чувствовалась имъ глубже, чѣмъ иными хвастающимися своей любовью къ человѣчеству, сдѣлала его другомъ человѣчества. Онъ далъ совѣтъ, что вмѣсто того чтобы ужасаться низости людей и спастись отъ нихъ, лучше смотрѣть на нихъ, какъ на товарищей въ страданіи и имѣть къ нимъ состраданіе. „Съ какимъ-бы человѣкомъ, говоритъ онъ, „не пришелъ ты въ столкновеніе, не думай дѣлать объективной оцѣнки его достоинства и значенія, и потому не бери въ расчетъ дрянности его воли, или ограниченности его ума и ложности понятій, ибо первое возбудило бы къ нему ненависть, а послѣднее—презрѣніе; по имѣй въ виду лишь его страданія, нужду, страхъ и болѣзни: тогда ты всегда будешь чувствовать свое родство съ нимъ; ему симпатизировать, и вмѣсто ненависти или презрѣнія будешь чувствовать къ нему состраданіе, которое и есть та любовь (ἀγάπη), къ которой взываетъ Евангеліе. Чтобъ не поднимались въ тебѣ противъ него ни ненависть, ни презрѣніе,—этого

*) Меня не удивляетъ, что нѣкоторые клеветаютъ слишкомъ часто на собакъ, ибо, увы, собаки часто пристыжаютъ человѣка.

достигнешь, конечно, никакъ не отыскиваніемъ его мнимыхъ „достоинствъ“, а напротивъ единственно лишь ставъ въ положеніе состраданія къ нему“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „когда, всмотрѣвшись въ человѣческую негодность, остановишься въ ужасѣ передъ нею, нужно тотчасъ бросить взглядъ на бѣдствія человѣческаго существованія; и, наоборотъ, если отъ нихъ придешь въ ужасъ, нужно вспомнить негодность людей: тогда найдешь, что они взаимно уравниваются, и замѣчая, что самый міръ служить самъ себѣ судомъ, станешь причастнымъ вѣтной справедливости“.

Какъ ни былъ далекъ Шопенгауэръ, въ своемъ философскомъ уединеніи, отъ житейскихъ дѣлъ, и насколько чуждымъ ихъ ни чувствовалъ себя, онъ внимательно и дѣлательно слѣдилъ за теченіемъ жизни, и всегда хорошо зналъ, что дѣлалось въ политическомъ и въ литературномъ мірѣ, посвящая ежедневно нѣсколько часовъ на чтеніе новѣйшихъ газетъ и журналовъ; въ своихъ произведеніяхъ онъ даже часто цитируетъ выдержки изъ газетъ въ доказательство своей философии.

Шопенгауэръ обладалъ удивительною пачитанпостью въ древнихъ и новыхъ литературахъ, и бѣгло говорилъ на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ. Всѣмъ лучшимъ въ своемъ развитіи онъ, по собственному признанію, былъ обязанъ вліянію произведеній Канта, священныхъ книгъ индусовъ, и твореній Платона, но главное—вліянію созерцаемаго міра. Послѣдній всегда поучалъ его больше и изъ него онъ черпалъ болѣе, чѣмъ изъ книгъ; отсюда—жизненная свѣжесть всѣхъ его произведеній.

Выдающимися качествами Шопенгауэра были: неутомимое усердіе, съ которымъ онъ велъ свое дѣло, усердіе—имъ самимъ сознаваемое, такъ какъ другихъ философовъ—своихъ современниковъ—онъ называлъ „философами для забавы“; далѣе, неустрашимость мышленія, не позволявшая ему отступать въ страхъ ни передъ какимъ резуль-

татомъ, какъ скоро таковой былъ признанъ имъ истиннымъ; неумолимость и безпощадность въ отношеніи всего дурнаго и лживаго, въ особенности въ современномъ литературномъ теченіи: Шопенгауэръ ненавидѣлъ клики и кумовство; наконецъ, мужество, съ которымъ онъ шелъ на встрѣчу господствующимъ предразсудкамъ, не очень заботясь объ авторитетахъ. Къ „нашему времени“ относился Шопенгауэръ не очень благосклонно; уже самое это выраженіе вызывало его насмѣшку. Особенно возбужденъ онъ былъ противъ господствующей въ ежедневной литературѣ порчи языка; такъ какъ онъ весьма цѣнилъ классичность стиля, чистоту рѣчи, даже правильность печати. Искажающая смыслъ опечатка возмущала его, а если она встрѣчалась въ его произведеніяхъ или во взятыхъ изъ нихъ цитатахъ, просто дѣлала его несчастнымъ. Торопливое, шумливое и расшатавшее состояніе „нашего времени“ возбуждало его негодованіе, какъ и вообще легко возбуждало его досаду все, что было противно его серьезнымъ мысленію и воззрѣнію.

Но разъ отчужденіе было нарушено и Шопенгауэръ явился изъ своего уединенія въ свѣтъ, его сношенія съ современниками сдѣлались живѣе. Отовсюду къ нему стекались ученые и почитатели. Образовался кружокъ восторженныхъ приверженцевъ его философіи, если и не во всемъ соглашавшихся съ его ученіемъ, то во всякомъ случаѣ признававшихъ и цѣнившихъ его превосходство передъ другими послѣ-кантовскими системами. Все это послужило къ тому, что въ послѣдніе годы своей жизни Шопенгауэръ сдѣлался обходительнѣе и доступнѣе, чѣмъ прежде. Тотъ, кто искреннимъ своимъ интересомъ къ его философіи успѣвалъ завоевать его довѣріе и удостоивался ближайшаго общенія съ нимъ, извлекалъ высокое наслажденіе изъ бесѣды съ нимъ. Уже высокій черепъ обнаруживалъ въ немъ смѣлаго мыслителя, а рѣчь его была продумана и полна выразительности, какъ и его со-

чиненія, не расходившіяся съ истиннымъ его мнѣніемъ. Самая внѣшность Шопенгауэра носила черты выдающейся, импонирующей „аристократіи природы“. Съ „профессорами философіи“ сражался Шопенгауэръ до конца своей жизни; такъ какъ ихъ именно тактикѣ приписывалъ онъ то, что его такъ долго „игнорировали и держали въ секретѣ“. Въ своемъ саркастическомъ очеркѣ „Объ университетской философіи“ (см. *Parerga* т. I) онъ изображаетъ ихъ врагами истинной и законной философіи. Эти нападки, конечно, не могли способствовать тому, чтобы профессора философіи согласились признать въ немъ выдающагося философа; но они не могли не признать въ немъ оригинальнаго ума и геніальнаго писателя. Безпристрастнѣйшую оцѣнку нашелъ Шопенгауэръ внѣ кружка философовъ по профессіи, между образованными любителями философіи во всѣхъ слояхъ общества.

Сочиненія и журнальныя статьи, написанныя частью въ защиту Шопенгауэровой философіи, частью въ опроверженіе ея, составляютъ обширную литературу. За границей на высокое значеніе Шопенгауэра указано въ „Вестминстерскомъ Обозрѣніи“, въ большой статьѣ, помѣщенной мною въ нѣмецкомъ переводѣ въ моихъ „Письмахъ о Шопенгауэровской философіи“. Еще задолго до того какъ Шопенгауэръ получилъ извѣстность, высказали о немъ свое мнѣніе Гете и Жанъ-Поль. Гете помѣстилъ о немъ статью въ „*Tag und Jahreshften*“ 1819 г. Жанъ-Поль въ своихъ „*Kleinen Nachschule zur Aesthetischen Vorschule*“ причисляетъ Шопенгауэровъ „Міръ какъ волю и представленіе“ къ числу произведеній, стоящихъ выше всякой похвалы. Онъ называетъ это произведеніе „геніально - философскимъ, смѣлымъ, многостороннимъ произведеніемъ остроумія и глубокомыслія“, но прибавляетъ, что онъ можетъ только хвалить, но не согласился бы подписаться подъ нимъ, по причинѣ его „подчасъ безотрадной и бездонной глубины,